

Немцы в России. Немцы в Первоуральске.

Судьбы русских и немцев в течение нескольких столетий переплетались между собой самым тесным образом. Немцами, то есть немцами, на Руси называли всех иностранцев, не умеющих говорить по-русски.

Немцев по тем или иным причинам оказавшихся в разные времена на территории нашей страны, я поделил на **четыре категории**.

Первая категория - немцы, которые появились в России ещё во время правления императрицы Елизаветы, правившей до 1761-го года. Однако, массовое их переселение случилось при Екатерине II в 1763-1766 годах.

Более 30 тысяч иностранцев прибыли тогда в нашу страну. Из них порядка 26 тысяч человек были выходцами из германских земель, остальные - голландцы, австрийцы, и другие европейцы, но все они для русских были немцами.

Приезжали они в России и раньше, тот же Георг Вильгельм де Геннин - один из основателей Екатеринбурга. Приехал в Россию по приглашению в 1697-м году. Историки спорят до сих пор, откуда он родом, то ли из Голландии, то ли из Германии.

Заселили немцы в основном Поволжье - территорию современной Саратовской области, где и основали 105 поселений. Там была создана немецкая автономия.

Тогда же они появились и в Малороссии (в Украине), а именно в Ворошиловградской, Днепропетровской, Запорожской, Киевской, Полтавской, Донецкой, Сумской, Черниговской, Херсонской и Харьковской областях.

Жили обособленно, разговаривали на своём родном языке, с русскими практически не общались, так как оставались католиками, учились в школах, институтах, техникумах, где всё преподавание велось на немецком языке.

После вторжения германских войск на территорию СССР в 1941-м году наше руководство сочло их, как скрытую угрозу для безопасности страны. Основания для этого были. Со времен появления колхозов, со времён голодомора, который немцев коснулся основательно, они так и не смирились с Советской властью, с колхозами, с существующими порядками.

28-го августа 1941 года был издан указ о ликвидации Автономной Республики немцев Поволжья. Все жители бывшей автономной республики в общей сложности 440 тысяч человек, осенью того же года были депортированы на Урал, в Северный Казахстан, Алтай, Сибирь. На сборы им было дано двое суток.

Выселены они были и с территории Украины. Подобная участь постигла всю нацию, проживающую на территории СССР. В 1942-м году согласно постановлению ГКО от 10.01.1942г. №1281сс большинство немцев мужчин от 17 до 50-ти лет были отправлены на объекты НКВД, а точнее в лагеря. Многие там погибли. Прекратили их преследования только в 1954 – 1955- годах. Это было огромной трагедией для всего народа, но что было, то было.

Депортация немцев Поволжья

Депортация проходила под строгим надзором НКВД.

2. Погрузка в вагоны.

3. Выселенные немцы крестьяне.

В 70-е годы я познакомился с выселенными волжскими немцами, проживающими в Серове. Уже тогда они мечтали переехать на ПМЖ в Германию и выжидали время. Многим из них это позже удалось, но коренное население Германии их не очень приветствовало и относилось к ним, как к людям второго сорта.

Много выселенных немцев с Поволжья я встречал в Казахстане на целине в 1957-м – 1958-м годах. Лучшим комбайнёром в нашей бригаде Джаркульского зерносовхоза, Кустанайской области был Этих, у которого в доме комбайнёры - немцы устроили нам проводы после завершения уборки зерновых.

Мои товарищи работали у них помощниками комбайнёров, а я работал в их бригаде – комбайнёром на самоходном комбайне С-4М, а по ночам и в непогоду пахал целину на тракторе ДТ - 54. Рабочих рук не хватало, поэтому мне часто приходилось работать сутками.

Я не помню ни одного случая, что бы во время работы немцы пришли мне на помощь или помогли советом, когда видели, что я был в затруднительном положении. Они были очень «себе на уме».

Особенно запомнился случай. Нас направили убирать сжатый в валки овёс на поле, расположенном рядом с нашим станом. Урожай был рекордный, более

40-ка центнеров с гектара. Бункера наполнялись моментально, а это хорошие деньги.

Я, двадцатилетний парень, по неопытности заехал в скошенный валок на краю поля «против шерсти», то есть со стороны стеблей, а нужно было со стороны метёлок. Овёс никак не хотел лезть в комбайн, он вздымался большой копной над хедером, а затем «оптом» влетал в молотилку, напрочь её забивая.

Мне приходилось останавливаться и по полчаса по клочку вытаскивать солому, застрявшую между декой и барабаном. Продолжались эти мои мучения часа полтора, пока я не доехал до конца поля и не догадался начать подбирать валки с нужной стороны. Работа пошла сразу.

Комбайнёры - немцы всё это время работали рядом, выгружая бункер за бункером, видели, как я мучаюсь, но старались урвать как можно больше заработка с этого поля себе, и, специально, не помогли мне советом.

Жили они зажиточно, в добротных домах, имели большое личное хозяйство, держали овец, гусей, коров. Кормов было предостаточно. Зерном на зиму запасались тоннами, чем неоднократно похвалялись нам.

Для этого рядом с домом, на дороге, по которой в самосвалах перевозили зерно с поля до элеватора, они в накатанную колею бросали охапку соломы. Грузовик на скорости наезжал колесом на бугорок, образованный этой соломой, чуть подпрыгивал, зерно, насыпанное в кузов шапкой, просыпалось на землю, а домочадцы веником и совком собирали эти кучи в мешки. Машины шли сплошным потоком.

Были и другие способы добычи бесплатного зерна. Комбайнёр вечером мог приехать домой на комбайне с полным бункером зерна, а это более тонны, и во дворе его выгрузить. Никому не было дела до такой мелочи.

Водители нередко ссыпали зерно в поле, если из-за повышенной влажности его не принимали на элеваторе.

В степи годами лежали и гнили бурты с тысячами тонн зерна, не вывезенные во время на элеватор, к ним на километр не возможно было подойти из-за смрада, стоящего в округе. Органика при гниении выделяет крайне неприятный запах. Только дикие гуси выдерживали его и паслись там.

Да, что там зерно, в МТС Джаркульского совхоза десятки новых тракторов и комбайнов ни разу не выходявшие в поле лежали аккуратными рядами на земле без колёс, и растаскивались на запчасти. Колёса хранились отдельно на складе, а чурки, на которые комбайны были поставлены первоначально, были растащены комбайнёрами при сдаче на зимнее хранение своих комбайнов. В итоге все комбайны оставались без подставок.

Высланные немцы были и в Первоуральске. На Динасе одним из представителей волжских немцев был Колясников (Кноль) Александр Александрович. Он взял фамилию жены.

Колясников Александр Александрович.

Александр Александрович в конце сороковых в начале пятидесятых в 15-й школе преподавал нам немецкий язык. Впоследствии он стал директором школы, а в конце жизни был первым заведующим динасовского музея.

Но его героическая судьба была иной, нежели судьба большинства волжских немцев. Он ушёл добровольцем на фронт в первые дни войны, воевал, был контужен, затем служил переводчиком в штабе армии.

Работал на Динасовом заводе и другой волжский немец – Дик Корней Григорьевич (Корнелиус Гергардович), который приехал на Динас в конце сороковых годов со своей

родной сестрой и сыном Робертом. До крайности порядочный и скромный человек, отличный специалист, разбирающийся в радио и телеаппаратуре. Я многие годы дружил с Робертом, который был просто патологически добрым парнем. К сожалению, он рано покинул этот мир, проживая последние свои годы в г. Донецке.

В Первоуральской 1-й горбольнице работал врач травматолог Тиссен Николай Васильевич. Его отец Василий (Вилли) в 1941-м году вместе с матерью Екатериной был выселен из п. Озеровка, Херсонской области в наш уральский Карпинск, где в десятилетнем возрасте выучил русский язык. Мать Вилли - Екатерина жила в Гражданскую войну на Украине. Их посёлок постоянно переходил из рук в руки: то белые, то красные, то анархисты. И всем ей приходилось готовить еду. Пришлось ей кормить и Батьку Махно.

Дочь Тиссена Н.В. Екатерина владеет немецким языком, английским, китайским, на котором закончила университет в Китае. В настоящее время работает в странах юго-восточной Азии, в том числе в Китае, Индии, Турции, Индонезии и пр.

Из переселённых с Поволжья немцев, из Кустанайского пересыльного пункта, в июле 1943-го года на Динасовый завод завезли специалистов, Абермита В., Битнера А., Войта Е., Кельберта А., Рейна А., Шутца В. и других. Однако, в октябре того же года они были НКВД «отозваны» и отправлены в лагерь. (Из архива Долгих О.А. – зав музея Динура, краеведа)

Вторая категория - немецкие специалисты, приехавшие в СССР по приглашению.

Уже в 1932 году в СССР жили и трудились 9190 иноспециалистов (иностранных специалистов) и 10 655 инорабочих (иностранных рабочих). В

тридцатые годы СССР заказал в Германии и выкупил сотни современных станков, по данным немцев – 6430 шт. на 85,4 млн. марок. На Динасовом заводе в шестидесятых – семидесятых годах это оборудование ещё работало: в механическом цехе - станок шепинг фирмы Klor, в огнеупорных цехах - прессы Bukkau Wolf, на руднике – дробилка Zomag Zeitz.

Кому-то нужно было работать на закупленном оборудовании, а так же внедрять технологии, которые добыла отечественная разведка. Для подготовки собственных квалифицированных кадров требовалось время и опытные наставники, а их не было. Часть погибла на гражданской войне, огромное количество было выгнано из страны, часть эмигрировала добровольно, а часть привыкла, как писали тогда, не работать, а митинговать.

Как вспоминал старейший работник Первоуральского Динасового завода Чечет А.П.: - При строительстве Динасового завода в 1932-ом году, на монтаже оборудования работали три немецких специалиста: Юван, Петер и Швайгер. Переводчиком у них был Штэрн Виталий Игнатович.

Я много лет дружил с Рудольфом Суворовым. Настоящую его фамилию я не знаю. Его мать вышла замуж за немецкого специалиста в 1936-м году. После окончания договора мужа, семья выехала в Германию. Много им пришлось пережить во время войны. После войны мать с сыном через Швейцарию с огромными трудностями вернулась на Родину, к брату И. Суворову, который работал начальником ОРСа Динасового завода и был играющим футбольным тренером.

Рудольф поначалу не понимал по-русски, а потом заставил себя забыть немецкий, ребята в школе его постоянно травили. В итоге он стал агрессивен, а позже, живя с родителями в Свердловске, занялся боксом и в 1954 или в 1955-м годах даже стал чемпионом ВИЗа в своей весовой категории. Приобретённое мастерство в молодости часто использовал в быту, из-за чего периодически конфликтовал с органами.

Третья категория – пленные немцы. В плен немцы попадали и в Первую Мировую, но больше всего во Вторую. Тема Первой Мировой долгое время у нас в стране была практически закрытой, поэтому мы мало что знали о тех временах.

Дед моего хорошего друга Топоркова Александра Владимировича по материнской линии был взят в плен в 1916-м году. После освобождения остался в России. Как сложилась судьба в его первые годы пребывания в стране внуку не известно. Тема в семье была под строжайшим запретом. Известно, что осев в России, какое-то время жил в Москве, затем в Серове Свердловской области и, наконец, в Махнёво, Алапаевского района.

Топорков Александр Владимирович.

Мать Александра вышла замуж за русского капитана НКВД. Тот воевал на фронте, ходил неоднократно в разведку, получил тяжёлое ранение и с осколком в спине маялся до конца своих дней. Фактически он заживо гнил, и смерть стала ему избавлением от непереносимых мучений.

Семья была большая: три сына, дочь. Пока дети учились в школе в младших классах, их буквально травили, и в школе, и в деревне. Но вот братья подросли, вымахали под два метра и стали давать

обидчикам сдачу. Дрались часто, в кровь.

Сегодня в живых остался только Александр. В свои 73 года – крупный мужчина, ежегодно не по одному разу сплавляется на байдарке по своей любимой Чусовой.

В Первоуральске после института он работал вначале учителем физики, затем завучем в училище, директором кулинарного училища, зам начальника ДОСААФ. Нынче трудится в военкомате.

Во Вторую Мировую войну в 1941-м году пленных немцев поначалу «пускали в расход», отступающей армии с ними некогда было возиться. С 1942-го года их стали отправлять в тыл.

В Свердловскую область военнопленные начали поступать с мая 1942-го года. Содержали их в лагерях для военнопленных, вблизи посёлков Монетный и Лосиный, в спец лагере под Асбестом. В черте Свердловска немецкие лагеря были возле оз. Шарташ и в г. Нижне-Исетск (ныне—Чкаловский р-н, Химмаш).

В 1945-м году количество пленных в области, по данным профессора д.и.н. В. П. Мотревича, достигло 95,5 тысяч. Содержались они в 14-ти лагерях. Лагери включали в себя 99 отделений, в каждом содержалось от 500 до 1500 человек. Фактически каждое отделение представляло собой самостоятельную единицу. Были также сформированы 2 отдельных рабочих батальона (ОРБ), функционировало 2 госпиталя.

Самыми крупными лагерями были Артёмовский №523, Асбестовский №84, Алапаевский №200, Нижнеисетский №314, Тагильский №153, Дегтярский №313, Новолялинский № 318, Верхнепышминский №531, Уральский №245.

Советское правительство стремилось к соблюдению международных конвенций при обращении с военнопленными.

Согласно приказу НКВД СССР от 5 июня 1942-го года пленным определялось денежное содержание на время нахождения в лагерях. 10 рублей – рядовому составу, 15 – среднему командному составу, 25 – старшему командному составу, 50 – высшему командному составу. Пленным выдавались по норме: хлеб, мясо,

рыба, овощи, крупы, масло, сахар. Добровольно сдавшимся в плен хлеба выдавали сверх нормы ещё 100 грамм. Выполнивший норму на 100 процентов, получал хлеба 500 грамм, на 150% - 900 граммов. Охранники получали летом – 600 – 700 граммов, зимой – 700 - 800.

Помимо этого пленным постоянно обеспечивал посылками Красный Крест, имели они право на получение посылок от родственников. При многих лагерях были организованы подсобные хозяйства. В итоге пленные питались лучше, чем местное население, особенно колхозники.

Со временем при лагерях стали работать клубы, библиотеки, организовывалась художественная самодеятельность, проводились политзанятия.

Вот не догадались организовать среди фашистов социалистические соревнования и борьбу за звание ударника коммунистического труда. А может где-то догадались, и какие-то соревнования и были, как мы без них.

Для пленных были построены специальные бараки, где спали на нарах в два яруса, на каждого пленного приходилось по 2 квадратных метра площади. (Сравните с условиями содержания наших пленных в немецких концлагерях). Я туристом был в Освенциме - в Польше, Саласпилсе - под Ригой и имею полное представление, как там содержали советских пленных.

До 1945-го года лагеря были обнесены колючей проволокой, по углам стояли вышки с автоматчиками. С 1946-го года к охране стали привлекать вахтёров из числа местного населения. Случались и побеги, но на 96 % они были неудачными.

Пленные работали на рудниках и шахтах, на лесоразработках, на строительстве предприятий и жилья. На строительстве Богословского алюминиевого завода работало 2600 военнопленных, на строительстве Ново – Тагильского металлургического комбината работало 3800 человек в/п. Много пленных работало на Уралмаше, Нижне-Тагильском Уралвагонзаводе, Красноуральском, Кировоградском и прочих предприятиях.

По данным краеведа Всеволода Слукина в конце 1949 г. на базе Нижне - Исетского лагеря для военнопленных № 314 был образован спец. лагерь № 476 МВД для военных преступников, который являлся самым крупным среди подобных лагерей, находившихся тогда на территории Советского Союза.

Из статьи В.П. Мотревича от 7-го июля 1992-го года в Вечернем Первоуральске видим, что на 1 июля 1953-го года в Свердловской области оставалось 7170 военнопленных, в основном это были военные преступники. Но среди них были не только представители Германии, были граждане Австрии, Венгрии, Бельгии, Голландии, Испании, Италии, Люксембурга, Польши, Румынии, Финляндии, Югославии, Швейцарии, Китая, Кореи, Японии и один американец.

Отбывали в нашей области наказание 76 генералов, был среди пленных адъютант Гитлера майор Гюнше, адъютант Кейтеля полковник Ганзен, сын

промышленника Густава Круппа – Крупп фон Болен унд Гальбах и многие другие известные в Германии и за её пределами люди.

В Талицком отделении лагеря № 476 пленные находились до 1956-го года.

Они построили на Динасе Дворец Культуры, дом на центральной площади поселка, стадион в Первоуральске, дворцы культуры в Дегтярске и Ревде, пятиэтажки на улице Ватутина в Первоуральске, жилые массивы на Химмаше и Вторчермете, здание пожарно-технического училища в Свердловске, мост на улице Белинского. Ими был построен завод ЖБИ в Асбесте, завод РТИ и бетонозавод в Свердловске, ТЭЦ в Первоуральске.

Пленные были нашими заклятыми врагами, но работниками они были по своей природе добросовестными, и то, что ими построено, было сделано на совесть.

Однако были и саботажники, которые отказывались работать, как бывший командир танкового полка полковник Ганс Герцог, осуждённый на 25 лет за участие в карательной операции в Белоруссии, австриец Людвиг Фигль, служивший рядовым в Германской армии. Он дважды совершал побег, дважды совершал диверсии, вступил в Дегтярске в подпольную организацию, пытавшуюся организовать крупный побег. Были и другие отказники.

В Талице было много венгров, австрийцев, чехов. Венгров использовали на строительстве градирни на Динасовом заводе. Их водили на обед в столовую №3 по улице Свердлова, мимо нашего дома, большой колонной, человек по 6 в ряд, все были в военной форме, в типичных военных венгерских фуражках, многие были в очках. Сопровождали их вооружённые охранники с овчарками. Парни, желая хоть как-то им отомстить, бросали в них камни, одному пленному разбили очки.

В 1949-м году мне довелось побывать на территории лагеря пленных в Талице. Нас занесло туда любопытство. Вход был свободным, и мы - пацаны по дороге в пионерский лагерь Динасового завода беспрепятственно туда заходили.

В пионерлагерь мы ездили, чтобы сразиться в футбол с их командой. Главное, что нас там прельщало – наличие кирзового надувного мяча, который для нас был диковинкой.

От Подволошной мы добирались на товарняках, в которые заскакивали на ходу, и на ходу же спрыгивали под откос в Талице. Скорость составов в те годы около станций была не велика, но риск всё равно присутствовал. Родители о наших путешествиях, естественно, ни чего не знали.

Должен сказать, что на территории у пленных была чистота и порядок, немцы - мужики в основной массе были здоровые, а может это мне казалось, так как мы были голодны и худы. Были у них самодельные спортивные снаряды: турники, брусья. Вместо штанг использовали оси с колёсами от вагонеток, поднимая которые, они вызывали наше восхищение.

В Талице располагался госпиталь № 1893 МВД СССР, где в 1955-м году находилось на излечении 127 человек.

Периодически медицинскую помощь им оказывали и наши местные врачи. Так мой хороший приятель – почётный гражданин города Первоуральска Тимофеев Павел Михайлович рассказал, как он, работая хирургом в динасовской больнице №3 в 1953-м году, оказал помощь, получившему травму немцу, строившему Дворец Культуры, прямо на рабочем месте. При выполнении этой небольшой операции нашему врагу он испытывал противоречивые чувства, как врач – сожаление, а как гражданин - ненависть.

Талицкие немцы в начале пятидесятых играли в футбол с нашей динасовской командой, я, как и все жители посёлка, ходил болеть за своих.

На стадионе было не протолкнуться от болельщиков. Люди толпой стояли вокруг поля. Развлечений в то время было мало, а тут любимая игра своей команды с настоящими фашистами. В те времена болели за свои команды, в которых играли знакомые, приятели, коллеги по работе, а не legionеры со стороны, как сегодня.

Кажется, выиграли немцы, играли они хорошо. Нас подростков особо восхищало то, что их вратарь выпинавал мяч аж до противоположных ворот, а наш защитник Н.С. Крупченко выпинавал мяч от своей площадки очень высокой свечой. Он был из репатриантов, мужчина очень крепкий. Пасы от игрока к игроку низом, как это делается сейчас, не очень практиковались в то время.

Весной 1955-го года началась массовая репатриация военнопленных из страны. Их поставили на усиленное питание, выдали новое обмундирование, выдали денежный расчёт, вернули сохранившиеся ценные вещи, за утерянные выплатили их стоимость, хотя по смешным, мизерным ценам.

Они были расконвоированы, свободно ходили по городу, отдыхали, загорали.

Конечно, домой пленные вернулись не все, часть погибла. Особенно высокая смертность пришлась на 1945-й год. Тогда в Свердловской области умерло 8300 человек. 5100 человек от дистрофии, 1300 от воспаления лёгких, 600 от туберкулёза, остальные от разных других болезней. По крайней мере, так значилось по документам. Особенно высокая смертность была в Ивдель Лаге. Сравните со смертностью в немецких концлагерях.

Всего на территории Свердловской области числится 90 мест захоронений. Самые крупные – в Асбесте -1631 человек, в Нижнем Тагиле – 3752 человека, в Ревде – 417 человек, в Реже – 437.

Поначалу умерших из разных лагерей свозили в Талицу, где в общей сложности захоронено 193 военнопленных в 177-ми могилах. Затем стали хоронить на кладбищах при лагерях, но много было похоронено на общих гражданских кладбищах. Так было в Верхней Туре, Дегтярске, Каменск – Уральском.

В Первоуральской Талице часть умерших похоронено на общем гражданском кладбище, но есть и отдельное кладбище для пленных. Сегодня эту территорию ограничивают железобетонные столбики. Вокруг сосновый лес, место очень светлое, сухое и чистое.

Братская могила венгров.

На переднем плане захоронение венгров, на плите написано на венгерском и русском языке: - Здесь покоятся венгерские военнопленные, погибшие во второй мировой войне. Ниже на белой табличке: - Уход обеспечивает Ассоциация

«Военные мемориалы».

Не понял, почему не сказано конкретно, что здесь захоронены умершие в плену, на войне они не погибли. Не привезли же их сюда с фронта.

Вдали слева виден большой крест. У его основания плита с надписью на немецком и русском языках: - Здесь покоятся военнопленные – жертвы второй мировой войны. И тоже надпись мне кажется нелогичной. Ну, какие они жертвы, если учесть, что в Талице отбывали свой срок в основном офицеры – фашисты, которые уничтожали советских граждан. Разве можно их причислять к жертвам?

Венгры годы войны отличались особым зверством по отношению к жителям оккупированных территорий, их поначалу советские воины даже не брали в плен по этой причине.

Я не уверен, а надо ли возлагать цветы к их памятникам. Содержать кладбище в порядке – да, надо, но возлагать цветы к могиле извергов, уничтоживших десятки и сотни тысяч наших соотечественников – абсурд.

Крест на немецком кладбище.

Кроме немецких кладбищ в нашей области были: венгерское - в Верхней Туре, Красноуральске, Невьянске, румынские – в деревне Молва, в посёлке Овражном в Серовском районе, в селе Карпунино в Верхотурском районе, японское в Туринском районе.

На сегодня многие кладбища потерялись, могилы пленных сравнивали с землёй, как и у нас. В послевоенные годы родственники умерших в плену пожелали посетить могилы родных, что вполне естественно, но с нашей

стороны было принято решение: - «Не допускать!», и могильные холмы были скрыты бульдозерами.

Наконец, четвёртая категория – немцы, привезённые в Союз в 1945-м году для восстановления страны.

В общей сложности из оккупированных советскими войсками районов Германии и стран гитлеровской коалиции в порядке репарации в 1945-м году в СССР было завезено около 300 тысяч трудоспособных граждан – это в 16,6 раза меньше, чем угнали людей из Советского Союза в Германию фашисты. В числе интернированных около 100 тысяч были представители из Болгарии, Чехословакии, Югославии, Венгрии, Румынии, то есть из стран, воевавших против нас в Великой Отечественной войне. В программу репарации попали трудоспособные мужчины 17- 45 лет и женщины 18-30 лет. Из попавших в Свердловскую область было сформировано 7 отдельных рабочих батальонов (ОРБ).

Интернировали в основном тех, кто входил в фашистские организации или, по мнению СМЕРШа, был политически неблагонадежен. Появились интернированные в Коновалово и в Крыласово под Первоуральском. Среди них были и семейные пары.

Интернированные в Коновалово, рассказывали, что «в командировку» они взяли много вещей и разной домашней утвари, так как им обещали хорошие условия проживания, но по дороге прошёл слух, что всех везут в концлагерь. На одной из стоянок эшелона они сожгли всё своё имущество и прибыли на место практически раздетыми.

Из воспоминаний коноваловцев: - В числе интернированных, кроме немцев, были: поляки, румыны, украинцы, белорусы.

Работали в основном в карьерах, жили в бараках. В Коновалово 2 или 3 барака стояло у Сухореченского карьера, не доезжая до нынешнего шлагбаума, это место рядом с обрывом затопленного карьера. Был барак у Галкинского карьера, был ли у Доломитового сейчас ни кто не помнит.

В Крыласово барак стоял примерно метрах в двухстах от нынешнего магазина, на улице Киз с левой стороны дороги, сейчас он сгорел. Рядом был ещё один, там жили и немцы и русские. Немцы были из Поволжья.

Из архива бывшего крыласовского библиотекаря Лобановой Юлии Степановны: «В крыласовском бараке проживало 103 человека, четверо из них были женщины», сколько жило в Коновалово сейчас не известно.

Из записей ныне покойной жительницы Крыласово Прибытковой - Голевой Валентины Петровны: «В бараке была пропускная система, два входа, там же была и столовая. Местных туда не пускали, но она девочкой иногда к немцам в помещение заглядывала, так как её семья переселенцев жила здесь же, по коридору налево. Жили они вчетвером в комнатке в 7 кв.м.

Её раскулаченные в Пермской области родители с четырьмя детьми после ссылки попали, в конце концов, в Крыласово, но вскоре детей отобрали и отправили в разные детдома, а их выслали в Надеждинск (Серов). Через несколько лет разрешили вернуться обратно в Крыласово, но детей так и не вернули. У них родилось ещё двое. Родители до конца дней своих безуспешно пытались отыскать тех четверых.

В бараке женщины-немки жили по правую сторону коридора. Как и мужчины спали на нарах.

Юлия Степановна хорошо помнит немцев, помнит, как летом каждый вечер, в одно и то же время к ключу на берегу Чусовой с котелком в руках спускался за водой с подвёрнутыми штанинами босой немец.

Жители Коновалово помнят, что условия проживания в бараках были ужасные, спали на нарах, зимой мёрзли, страдали от грязи и болезней, их заедали вши. Условия их существования, видимо, были значительно хуже пленных. Деревенские женщины к ним периодически заходили, но мужчины очень стеснялись своей грязной одежды с копошащимися в ней насекомыми. Они были постоянно голодны, работа на рудниках была тяжёлая. Возвращаясь с работы, подворовывали у населения дрова. Несли домой кто полено, кто щепку, что бы подтопить печь.

Многие болели, кто-то умер, где их хоронили, не известно, скорее всего, в Талице. Да и кто вспомнит про каких-то там немцев, коль мы не вспоминаем о наших раненых солдатах, замерзших зимой в товарняках по дороге в тыл, умерших в Билимбаевском госпитале, располагавшемся тогда в бывшей 23-й школе, которых хоронили там же, во дворе.

Сейчас на месте этого захоронения построили спортивный комплекс, а подростки Билимбая на площадке поставили ворота, устроили футбольное поле. Ни плиты, ни памятного знака на месте погребения нет.

Немцы, несмотря на суровые условия своего проживания, поражались условиями жизни наших колхозников, говорили, что так жить нельзя. И это была правда. Нищета, убогость жилья, отсутствие дорог, отсутствие приличных мастерских, гаражей, нормальных скотных дворов. Тесные полутёмные клубы, под которые приспособлялись бараки и заброшенные избы. Все дома в этих деревнях были дореволюционной постройки.

Я это знаю не понаслышке, так как отработал механиком и главным инженером Первоуральского совхоза 4 года с 1959-го по 1963-й, там же и жил. Я видел, где и как жили наши крестьяне в 23-х совхозных деревнях, в том числе Коновалово и Крыласово. Все их дома были дореволюционной постройки. Конечно – это была не жизнь, а существование.

Не все немцы, вывезенные в 1945-м году из Германии, использовались СССР в качестве дармовой рабочей силы на тяжёлых, не квалифицированных работах. Из статьи в журнале «Веси» №5 и №7 за 2014-й год к.и.н., члена-корреспондента Академии военно-исторических наук В. Кузнецова, видим, что в

лабораториях «А», «Г», «Б», находящихся в Челябинской области и близь Сухуми работало 324 специалиста. В том числе 108 человек, которых вывезли из Германии и 216 из числа военнопленных. Все они вместе с нашим Н.В. Тимофеевым-Ресовским занимались ядерными разработками. Некоторые из них стали кавалерами советских орденов, героями Социалистического труда и лауреатами Сталинских премий.

Для сравнения. А как жили наши люди, угнанные в Германию с оккупированных территорий в годы войны? Со многими из них, после возвращения на Родину, я был знаком. В основной массе репатрианты не любили вспоминать о своей жизни там, да и кому охота вспоминать, как его унижали, угнетали.

В 1941-м – 42-м годах эти люди оказались на оккупированной территории, брошенными на произвол судьбы. В Германию пятнадцати – шестнадцатилетних увозили в закрытых товарных вагонах, в дороге не кормили, многие в пути умерли.

Из пяти миллионов вывезенных в Германию в СССР вернулось только три, остальные погибли. Для большинства это было настоящее рабство, немцы считали русских говорящими животными и обращались с ними соответственно, хотя были и исключения.

Так в архиве краеведа Ольги Алексеевны Долгих я нашёл воспоминания Никоновой Прасковьи Михайловны о добром к ним отношении хозяев немцев. Она рассказывала, что даже питалась за столом вместе с хозяевами.

В 1945-м году эти люди превратились уже в репатриантов, но домой, за редким исключением, так и не попали.

Как же они радовались вначале, когда их везли на восток: - Каторга закончилась, они наконец-то вернутся домой, на Родину – к родным, но, как писала одна женщина репатриантка: «В Германии мы были русскими свиньями, а у своих, с лёгкой руки НКВД, стали немецкими подстилками».

Репатрианты стали на Родине людьми - изгоями. С чужбины их вывезли в Сибирь, на Урал, кого-то расстреляли на пересыльном пункте, многие прямым ходом были направлены в лагеря, которые не были готовы к большому наплыву людей. Как писали в июле 1945-го года Маленкову Г.М. из отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б): «... люди в лагерях спят на голом полу или, вообще, под открытым небом».

Не понятно мне до сих пор, почему этих репатриантов нельзя было отпустить домой и там за ними наблюдать. Как нужно не любить людей, что бы молодёжь, насильно вывезенную из дома, из семьи, перенёсшую столько лишений, невзгод, издевательств не пустить к своим родителям, которые их так ждали все эти годы.

В Германии с возвращенцами так не обходились. Их возвращению все радовались.

Я не единожды был свидетелем, как оскорбляли на Динасе репатриантов их коллеги рабочие, как их упрекали, часто в грубой форме, в том, что они всю войну вылизывали немцев. Оскорблявшие не думали о том, что сами могли оказаться на их месте, им просто повезло, что не они жили на территориях, попавших под оккупацию.

Я тоже, как и все, по глупости относился к этим людям без должного сострадания, относился как к людям второго сорта. Сейчас мне стыдно за это.

В начале шестидесятых в моей смене, в механическом цехе Динаса, работал строгальщиком репатриант Богуславский Виктор. Хозяин в Германии сначала его откормил, так как тот попал к нему совершенно истощённым.

Кормил поначалу брюквой, чтобы растянуть желудок, и вызывать чувство голода, а затем перешёл на более калорийную пищу. Кстати, брюква часто была основным продуктом, которым немцы кормили русских. У нас брюкву используют в основном на корм коровам

Хозяин научил его работать на станках. На своём шепинге (поперечно-строгальный станок) в механическом цехе Динаса он был просто виртуоз, а заправленный им резец, представлял собой произведение искусства. Конструкторы завода не всегда могли составить технологическую карту изготовления лицевой пластины для пресс-формы динасового кирпича. Они выдавали Богуславскому просто чертёж этой пластины, и он на своём станке изготавливал её, идеально соблюдая все размеры и радиусы. После него слесарям практически нечего было доделывать.

Жили на Динасе много других репатриантов, в их числе – Карасёв Николай Николаевич, ставший впоследствии главным механиком завода, Даниленко Сергей Петрович – начальник проектно-конструкторского отдела завода, Крупченко Николай Сергеевич, заместитель начальника отдела сбыта, работавший в конце жизни директором стадиона, создавший музей спорта при стадионе. Но, как правило, продвижения по службе для этой категории были исключениями, и случались много позже.

Крупченко Николай Сергеевич.

А как относились наши земляки к «переселенцам» в Крыласово? По разному. Многие приняли их довольно доброжелательно, совсем не как нацию, которая совсем недавно напала на нашу страну, уничтожила миллионы наших соотечественников на войне и в концлагерях, массово расстреливала детей, стариков, сжигала деревни, разрушала города, вывозила русские произведения искусств, драгоценности.

Периодически после работы и в выходные вместе проводили время, пели песни под баян. Кто ещё способен на такое великодушие. В архиве Ю.С. Лобановой сохранились фотографии совместного отдыха жителей Коновалово с немцами.

Посиделки в Крылосово. Немцы помечены птичкой. На баяне играет - Мох, внизу слева – Кених Христиан.

Немцы помечены красной птичкой. Фамилии верхних - Кених, Фрикел. Зелёной птичкой помечена Лобанова Юлия (крайняя справа девочка).

Лобанова Юлия Степановна в Крылосовской библиотеке. Апрель 2018г.

Некоторые деревенские женщины сожительствовали с интернированными, родили от них детей. Я не берусь их осуждать. Их мужей и женихов на фронте поубивали, а эти были как бы представителями мирного населения.

Интернированные прожили у нас, кто до 50-го года, кто до 53-го, затем вернулись домой.

На 1 июля 1953-го года в области их оставалось 715 человек. Незначительная часть – в основном представители бедных стран, например румыны, решили остаться в Союзе навсегда.

Детей, уехавших в Германию отцов, ожидала не лёгкая судьба. С одним из них я проработал вместе около двадцати лет. Это Брит Владимир Васильевич. Он был хорошим работником, и много мне рассказывал, как ему было трудно выживать. Его отец в 1950-м году при отъезде в Германию, предположительно в город Любек, хотел забрать сына с собой, но мать его не отдала.

После отъезда отца, пришли из сельсовета и изъяли у них из погреба все продукты, после чего бабушка пошла по ближайшим деревням, просить милостыню, чтобы прокормить семью, есть было совершенно нечего.

Брит Владимир Васильевич. Апрель 2018г.

Его - малолетнего ребёнка соседи для издёвки могли пнуть, бросить в крапиву. В школе постоянно оскорбляли, травили и не только учащиеся, но и учителя. Ему приходилось постоянно себя защищать физически.

После седьмого класса, несмотря на хорошую успеваемость, его отчислили из школы. Он пошёл в 69-е училище, занялся борьбой, до этого занимался боксом. В одной уличной драке покалечил своего обидчика явно не относившегося к законопослушным гражданам. На суде на него навешали всё, что можно и отправили на 8 лет в колонию строгого режима.

После колонии он кончил техникум. Сейчас ему за 70. Не пьёт, не курит, занимается спортом. Кстати, матом тоже не ругается. Мат это прерогатива трудящихся масс, блатных, высокого начальства, военных, бомонда. Отсидевшие по многу лет и те же воры в законе мат не употребляют, они берегут свою феню.

Конечно, пребывание в местах не столь отдалённых оставило определённый след на его психике, но иначе, наверное, и не бывает.

Живут в Первоуральске и другие уважаемые люди, у которых отцы были привезены в страну в 1945-м, но не хотят они огласки своего происхождения, у многих присутствует пережитый ранее их родителями страх.

Много детей от совместных браков с оккупантами родилось в войну на Советской территории. Исследователь-историк из США Курт Блаумайстер (тоже дитя войны: его мать немка, отец – красноармеец) подсчитал, что в России, Прибалтике, Белоруссии и на Украине вследствие сожительства с немцами в 1941-м -1944-м годах родилось от 50 до 100 тысяч детей.

А по данным немецкой журналистки Карин Крикмейер, включившей в этот список еще и Польшу, от немецких солдат родилось до миллиона детей.

Во Франции плодом «горизонтального сотрудничества» (такое словосочетание употребляют французы) было 200 тысяч новорожденных.

После изгнания немцев с оккупированной территории около 2000 советских женщин, которые решили не скрывать происхождение своих детей, были сосланы на поселение в отдаленные районы к Белому морю, а их дети отправлены в детские дома. Многим повезло меньше – они получили 10 лет лагерей по статье «Сотрудничество с оккупантами». Насколько это сотрудничество было добровольным одному Богу известно.

В заключении должен сказать, что немцы попадали в нашу страну и другими путями, но это было не так масштабно.

Кудрявцев С.С.

2020 г.